

ВЕЛИЧИЕ ЧЕЛОВЕКА

МУЗА античной трагедии однажды ласково улыбнулась мне — предложили сыграть Эдипа в зале Чайковского. Но я не сумел ответить на улыбку музе, не собрался реализовать это предложение...

С тех пор я особенно пристально и ревниво наблюдаю за спектаклями, когда слышу со сцены трагическое слово древней Эллады.

И вот я в том самом зале Чайковского на спектаклях «Электры» и «Медeia». Я с нетерпением ожидаю, что мне, зрителю, скажут приемы о родном им искусстве. Ведь кому-кому, а им и карты в руки.

Я должен сознаться, они открыли то новое, что мне еле мерещилось в моих мечтах.

Мы привыкли знать древнегреческую трагедию как трагедию, разыгранную на котурнах (с котурнами или без них). Привыкли к приподнятым и возвышенным чувствам, к живописным и преувеличенным жестам, громким голосам и стонам. Все это бывало похоже на подлинное, но редко бывало подлинным. Оно воздействовало на ум, зрение, порою заставляло удивляться, даже восхищаться, но... не трогало сердца.

Режиссер Димитрос Рондирис строго следует законченной партитуре своего замысла и талантливо заключает его в гармоничную форму. Он волнует меня, особенно в «Электре», о которой я и буду говорить главным образом, музыкальностью, упругой композицией спектакля, значительностью его, соразмерностью частей. Такое удается не часто. Знаменательно то, что режиссер и хореограф, не растворяясь в актерах и не главенствуя над ними, создают чудесное сотрудничество артистов — ансамбль индивидуальностей, где никто не пропадает, но и не выныривает за счет другого, в ущерб целому.

Актеры сошлись с котурнов, сняли маски, но, перестав быть ожившими скульптурами, сошедшими с пьедесталов, они не впали в другую крайность — не обыгнали своего поведения. Актеры существуют как люди, говорят человеческими голосами, о человеческих чувствах.

Когда слушаешь самобытного актера, знакомое предстает в ночном свете, появляется как бы новый текст, дотоле тебе не известный. Так властно повел нас глубочайший и сильный, безупреч-

Николай МОРДВИНОВ,
народный артист СССР

по новому пути замечательный талант Аспасия Папатанассу. Мы не знаем родного языка актрисы, но понимаем смятение, отчаяние, гнев ее Электры, ее Медeia.

Казалось бы, какое мне дело до Ореста, убийцы, мести, событий, удаленных от меня на тысячелетия? Но страсти сердце удивительной актрисы, трепетная согласованность хора и всех актеров, стройность спектакля в целом заставляют волноваться и страдать вместе с ними.

Как записка на образ Электры, как лейтмотив симфонии прозвучал за стеной дворца голос, полный отчаяния, вопль такой

по точные интонации актрисы так верно передают содержание трагедии, что не понять невозможно.

Так же точен и хор. Он соперничает с актрисой, то солирует, то аккомпанируя солистке, как бы доказывая ее трагическую тему. Хор не иллюстрирует чувства героини, он сосуществует с ними.

В этом спектакле я впервые понял глубину и силу поддержки хора, где вздох или всплеск отчаяния является мощной силой воздействия. 14 девушек существуют и говорят, как одна, живут, как одна, повторяют внешний рисунок, как одна, не теряя при этом индивидуальности. Эта удивительная услов-

К итогам гастролей греческого театра

трагической безысходности, что один он готов поднять зал в защиту этой маленькой, ничем не приметной женщины, с глубокой трепетной душой. Он мгновенно завладевает сердцами разного по вкусам, устремлениям, призваниям зала, наполненного до отказа.

Меня пленил и скупой пластический рисунок внешнего поведения героини, далекий от красоты, но красивый и выразительный по своему глубокому и строгому содержанию.

Есть в роли места, о которых не можешь не думать. Удивительна волнующая и скорбная сцена, когда Электре вручают урну с прахом ее брата. Заплаканное лицо актрисы, ее глаза, полные скорби и горя, — от них невозможно оторваться. Бесконечное отчаяние и скорбь, в которые погружается маленький беспомощный комочек на полу, потрясает, а ласковые руки, баюкающие беспечный сосуд — урну с прахом брата, эти теплые, снимающие руки доказывают трагедию раненой души. Все это настолько истощающе ясно, что живая жизнь в своей законченности сама превращается в скульптуру, в некий надгробный плач.

Голос Электры — Папатанассу, тревожный и прекрасный.

ность, остающаяся условностью и переставшая быть ею, — вот парадокс, так она оправдана, необходима, закономерна и необычна. Это, как музыка, исполняемая одним артистом, на одном инструменте.

Поверх всего — глубокий профессионализм искусства греческого театра. Здесь каждый, в меру ему отпущенного дарования, отвечает за все, что он делает. Отсюда прекрасные, стойкие, чистые, ровно звучащие во всех диапазонах голоса, прекрасная дикция, тренированные тела, разработанный жест, умение держать строку стиха...

«Медeia» тоже хороший, стройный, выисканный спектакль, и Аспасия Папатанассу в нем другая — это я очень люблю в искусстве актера. И хор иной — тоже знаменательно, но этот спектакль разбавлен большим количеством движения и проигрывает перед «Электрой». Он ближе к знакомой стилизации и потому холоднее.

Когда же я смотрел «Электру», я радовался величии человеческой души, силе разума и горевал, что человеку сопутствует столько несчастий. Я еще раз почувствовал неисчерпимую силу человека, его способность переносить непереносимое, не теряя при этом своего человеческого облика. Мысленно воз-

никали разные ассоциации: далекие и близкие, литературные и жизненные, из жизни нашей страны и сегодняшней Греции. Я смотрел, зачарованный, гордился, и радовался, как будто я сам играл спектакль или его ставил. И волновался, и восхищаясь, и комом подкашивал к горлу.

Я радовался и гордился за моих коллег, за наше с ними искусство, за его действительную силу, способную объединять разноплеменных, разноречивых людей, ради одной, большой, главной мысли, общечеловеческой мысли — ради справедливости.

Истина, заложенная в классическом произведении, вечна, немеркнуща. Она говорит о борьбе за счастье и справедливость, за жажду красоты, говорит об истинном величии человеческой души, и потому хороший художник найдет в нем современное звучание.

Это современное звучание и потрясает в искусстве наших гостей. «Идея красоты была для греков безусловной идеей», — утверждал наш великий мыслитель Герцен. Маркс на новой ступени развития общества призвал «строить жизнь по законам красоты».

Не нам ли, советским людям, радоваться, что такая красота существует, что она объединяет, что она зовет к братству, справедливости и светлоте в жизни.

(АПН).